

Дональд Н. МакКлоски

ПОЛЕЗНО ЛИ ПРОШЛОЕ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ?

*Donald N. McCloskey. Does the Past Have Useful Economics? //
The Journal of Economic Literature, June 1976, v.14, No.2,
p.434–461.*

© The American Economic Association, 1976
Перевод Е.М.Дахиной

Не только приличия заставляют меня благодарить многих коллег, высказавших свои замечания по первоначальному вариантам этого очерка. Объем представленных ими письменных отзывов и комментариев превышает 100 машинописных страниц, не считая многочасовых бесед. Это позволяет оценить энергию, заключенную в рассматриваемой здесь теме – исторической экономике, – но сам вклад коллег в данную работу поистине неоценим. Поэтому я хотел бы выразить благодарность участникам семинаров по экономической истории в Чикагском и Северо-Западном университетах, а также Г.Гандерсону, К.Д.Голдин, Р.Голлману, Х.Джемери, Х.Г.Джонсону, Э.Л.Джоунзу, М.Иделстайну, А.Кану, Ч.П.Киндлбергеру, Р.Кэмерону, А.Лейонхуфвуду, П.Линдерту, М.МакИннису, П.МакКлелланду, Дж.Мокиру, Л.Д.Нилю, А.Омстеду, Д.Перкинзу, Дж.Д.Риду, Н.Розенбергу, У.У.Ростоу, Б.Солоу, Д.Уайтхеду, Дж.Г.Уильямсону, Г.Уолтону, Р.У.Фогелю, Р.Хиггзу, Г.Хоку, Дж.Р.Т.Хьюзу, Г.Хьюкеллу, А.Дж.Шварц, С.Л.Энгерману. И я хотел бы извиниться перед Джорджем Стиглером за то, что в своих целях видоизменил заголовок его превосходного эссе «Полезно ли прошлое экономической науки?» (Stigler, 1969) и пренебрег приведенной в нем (p.226) полезной леммой, гласящей: «Нет такого предмета, в пользу которого нельзя было бы привести десять основательных доводов».

* * *

На вынесенный в заголовок вопрос, конечно, следует ответить «да», и было время, когда сама постановка подобного вопроса могла показаться неуместной. Смит, Маркс, Милль, Маршалл, Кейнс, Хекшер, Шумпетер и Вайнер – вот лишь некоторые из тех, кого питали исторические исследования и кто в свою очередь питал их.

[...]*

* Здесь в переводе опущен небольшой раздел, в котором даются количественные характеристики публикаций по истории в американских экономических журналах, относящиеся к первой половине 70-х годов. (Прим. ред.)

В послевоенной американской экономической литературе также есть немало примеров продолжения этой традиции. Достаточно упомянуть среди прочих имена А.Алчиана, Э.К.Брауна, Р.Кейвза, Д.Гордона, Р.Кессела, С.Нерлоува, М.Олсона, А.Риса, С.Райтера и А.Цельнера (Kessel and Alchian, 1959; Brown, 1956; Caves, 1971; Chambers and Gordon, 1966; Nerlove, 1965; Olson, 1963; Rees, 1961; Hughes and Reiter, 1958; Zellner and Murphy, 1959). Ни для одного из них история не является главным объектом исследований, но, по существу, они все внесли в нее свой вклад¹. Если на минуту отвлечься от американской экономики и ее отношений с американской историей, то можно отметить, что и в Англии сильны традиции серьезного интереса «дилетантов-теоретиков» к экономической истории. К примеру, М.Блауг, А.К.Кэрнкросс, Дж.Р.Хикс, Р.С.О.Мэтьюз, Э.Х.Фелпс-Браун, Р.С.Сэйерс, Б.Томас и Дж.Вейзи широко известны как специалисты, занимающиеся современными проблемами экономической политики и теории, но все они много сделали для английской экономической истории.

Послевоенные руководители Американской экономической ассоциации из старшего поколения, приученного закладывать историю, как Шумпетер теорию и статистику, в основание экономической науки, могли бы составить такой же список – Мозес Абрамовиц, Евсей Домар, Чарлз Киндлбергер, У.Артур Льюис и Роберт Триффин явно не относятся к числу тех, кто отрекается от истории. В выступлениях и трудах послевоенных президентов Ассоциации отнюдь не отражается господствующее среди рядовых членов Ассоциации мнение, что экономическая история – лишь безделушка, бесполезная для серьезного и важного дела – формализации новой экономической идеи, или совершенствования техники использования наличного комплекта статистических данных, или превращения текущей политики из третьеразрядной во второразрядную. В своей президентской речи перед Ассоциацией в 1970 г. Василий Леонтьев обрушился на тех, кто его избрал на этот пост, за пренебрежение эмпирической работой и увлечение все более механистической теорией и схоластической эконометрикой: «Разработка новой статистической методики, даже незначительной, которая позволяет выжать еще один неизвестный параметр из имеющегося набора данных, считается большим научным достижением, чем успешные поиски дополнительной информации, которая позволит нам оценить величину этого же параметра менее изобретательным, зато более надежным путем» (Леонтьев, 1990 [1971], с.269). Другой бывший президент Ассоциации, экономист-аграрник Теодор У.Шульц, высказал в 1974 г. сожаление, что в юности недостаточно усердно изучал экономическую историю, и заявил, что «практически все экономисты очень склонны недооценивать историю экономики стран как с высоким, так и с низким доходом. По-моему, тенденция заниматься только сегодняшним днем весьма сомнительна» (Schultz, 1974, p.12). Другой послевоенный президент Ассоциации, Милтон Фридман, в сотрудничестве с Анной Дж.Шварц дошел в своем преклонении перед экономической историей до того, что обогатил ее зародышами некоторых идей. В

¹ Именно Райтер придумал слово «клиометрика», и это шутовское название прижилось.

более скромном варианте то же самое сделали Пол Даглас, Джон Кеннет Гэлбрейт, Роберт Аарон и Дж.Х.Уильямс. А некоторые президенты, такие как Йозеф Шумпетер, Хэрولد Иннис и Саймон Кузнец, настолько уважали экономическую историю, что в течение многих лет не жалели сил на ее развитие.

Однако старшее поколение американских экономистов явно не сумело убедить большинство молодых, что история важна для экономики. А те, кого убедить удалось, – «новые» экономисты-историки или «клиометристы» – и не подумали заняться обращением своих неверующих коллег. Вместо этого они направили весь пыл своей риторики на неэкономистов, в основном на историков. Выбор этой аудитории помог клиометристам сплотиться в едином порыве, проникнуться энтузиазмом и энергией убежденных империалистов. В результате в конце 50-х годов началась серия завоеваний, ширившаяся с каждым годом. Американская экономическая история была полностью пересмотрена, а в последние годы начался пересмотр экономической истории и других стран. Однако клиометристы с их имперским мышлением забыли, как это нередко случается с завоевателями, что авантюры за границей требуют поддержки у себя дома. Пренебрегая ею, они ее потеряли. Разве могли другие экономисты быть столь же безразличными к собственным интересам и навлечь на себя такую же судьбу? Начиная с 30-х годов экономисты-математики и экономисты-статистики твердили каждому, кто соглашался слушать, что тот или иной раздел экономики совершенно математичен или совершенно статистичен, пока они не убедили в этом абсолютно всех. Экономисты-историки могли бы столь же убедительно доказывать, что та или иная часть экономики, а в некоторых случаях та же часть, на которую претендовали их более агрессивные собратья, совершенно исторична. Но они этим почти не занимались. Социализировавшись в рамках той экономики, которая сложилась после второй мировой войны, они были робки и почтительны по отношению к своим коллегам, вплоть до подражания их пренебрежительному отношению к фактам и широкому социологическим обобщениям, равно как и стремлению к безупречной логической доказательности и статистическому изяществу. Не обладая самоуверенностью экономистов-математиков или статистиков, новые экономисты-историки не стали убеждать других в важности истории для экономики.

1. ОБЩАЯ ЦЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Они не стали этого делать не потому, что это трудно. Найти аргументы не составляет труда. Для профессионального экономиста-историка экономическая история так же важна, как и общая история, и именно потому, что он так ценит историю, и не только экономическую, он начинает ее изучать. Это достаточно убедительно для него и для любого экономиста, который верит в то, что история, независимо от того, можно ли ее использовать для непосредственной проверки экономических законов или выработки экономической политики, представляет собой коллективную память и является источником мудрости. На менее прагматичном уровне ценность экономической истории определяется общей ценностью всякой интеллектуальной деятельности, и нет ничего легче, чем убедить любого профессионального ин-

телектуала, что этой деятельностью следует заниматься. Это изящно выразил Дж.М.Тревелиян: «Бескорыстное интеллектуальное любопытство образует жизненную силу подлинной цивилизации... Ничто так не отделяет цивилизованного человека от полудикого, как стремление узнать о своих предках и терпеливое восстановление мозаики давно забытого прошлого. Для нынешнего человечества измерять вес звезд, заставлять корабли плыть по воздуху или под водой – не более поразительное и благородное занятие, чем узнавать о давно забытых событиях и об истинной природе тех людей, которые жили здесь до нас» (Trevelyan, 1942, pp.VII, X). Можно восхищаться исторически важными и экономически понятными работами по истории плантационных рабов, бизнесменов XIX в. или средневековых крестьян, точно так же как математики восхищаются красивой и элегантно доказанной теоремой в теории оптимального контроля, и неважно, имеют ли эти исторические исследования или эта теорема практическое значение.

И действительно, своей любовью к башням из слоновой кости экономисты-историки близки экономистам-математикам. Кроме того, хотя оба эти предмета, толкующие о рынках, явно относятся к экономике, те, кто их практикует, скорее всего столкнутся с остекленевшим взглядом собеседников и стремлением переменить тему разговора, если они за чашкой кофе вздумают заговорить с коллегами об архивах заведений или о теоремах с неподвижной точкой соответственно. Но здесь, конечно, имеется заметная асимметрия: сорок лет инвестиций в математизацию экономики и дезинвестиций в ее историзацию привели к тому, что в среде экономистов стало легче сознаваться в незнании истории, чем в незнании математики. Уходят времена, когда общественные науки служили мостом между двумя культурами, литературной и научной, а экономика этот мост сожгла уже очень давно. Комфортабельное невежество, конечно, не является монополией экономистов. Культура состоит в определении варваров, определении тех людей, которых можно спокойно игнорировать, а интеллектуальная культура состоит в определении тех областей знаний, которые можно спокойно игнорировать. Специалист по социальной истории, который, по существу, постоянно имеет дело с количественными проблемами, сгорел бы со стыда, если бы ему пришлось признаться, что он не знает языков, литературы или политической истории изучаемых им обществ, но он же радостно сообщает, даже не пытаясь скрыть свое невежество, что разбирается в математике и статистике на уровне десятилетнего ребенка. В этих кругах незнание арифметики – признак умственной полноценности. Экономисты мыслят примерно так же, но обычно все же не заходят столь далеко. Впрочем, экономист-прикладник, который, по существу, постоянно имеет дело с историческими проблемами, сгорел бы со стыда, если бы ему пришлось признаться, что он не знаком с дифференциальными уравнениями или распознаваемостью образов, но он же без малейшего смущения сообщает, что понятия не имеет о том, что происходило в изучаемой им экономике до 1929-го, или до 1948-го, или до 1970 г.

Что же тогда теряют экономисты, все охотнее исключая из своей интеллектуальной культуры знакомство с прошлым? Почему, даже если они предпочитают не внимать благородному зову бескорыстного науч-

ного любопытства, экономистам нужно читать и писать работы по экономической истории? Иначе говоря, в чем состоит практическая ценность экономической истории?

2. БОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Практические ответы прямолинейны – первый и самый очевидный заключается в том, что история дает экономисту больше информации, с помощью которой он может проверять свои утверждения. Объем доступной исторической информации поразит большинство экономистов, хотя они являются ее постоянными потребителями. Исключение составят, пожалуй, лишь сотрудники Национального бюро экономических исследований (НБЭИ) США. Их полувековые усилия по перекапыванию прошлого принесли урожай в виде данных, используемых в тысячах регрессий экономистами, которых больше ничто в истории не интересует, но он же обильно питает новых экономистов-историков последние пятнадцать лет. В 50-е и 60-е годы многие из них прошли ученичество в области экономических наблюдений, работая, фигурально выражаясь, в нью-йоркской «социальной обсерватории» НБЭИ, и внесли большой вклад в составление в конце 50-х и начале 60-х годов «каталогов исторических объектов» под редакцией У.Н.Паркера (Parker, 1960) и Д.С.Брейди (Brady, 1966)². Публикация в 1960 г. еще одной работы, в которой участвовали историки Бюро экономических исследований вместе с Бюро переписей и Исследовательским советом по общественным наукам (U.S. Bureau of the Census, 1960), стала началом новой эры, которая для экономической истории значила не меньше, чем для астрономии эра Кеплера. Сотрудников Национального бюро интересовали скорее общие законы, чем история, они хотели пролить свет на закономерности развития и (по возможности) будущее экономической системы, а не на саму историю, но было бы черной неблагодарностью и несправедливостью по этой причине недооценивать ту роль, которую сыграли Мозес Абрамовиц, Артур Бернс, Раймонд Голдсмит, Джон Кендрик, Соломон Фабрикант и многие другие в развитии исторической экономики. В рамках той науки, которая все больше уставала от истории, то есть экономики, сотрудники Бюро с самого начала представляли, по словам его основателя Уэсли К.Митчелла, тех, кто был убежден в том, что «экономические циклы представляют собой в высшей степени сложный комплекс значительного числа экономических процессов, что для уяснения существа этих взаимодействий следует комбинировать историческое исследование с количественным и качественным анализом, что изучаемое явление циклов связано с определенной формой организации народного хозяйства, и что предварительное понимание хозяйственных институтов этой системы народного хозяйства необходимо для понимания циклических колебаний» (Митчелль, 1930 [1927],

² В первой книге публикуется большая часть докладов, прочитанных на совместном заседании Конференции по проблемам доходов и богатства и Американской ассоциации экономической истории в Уильямстауне в 1957 г. На этом заседании было отпраздновано бракосочетание Национального бюро экономических исследований и новой экономической истории. К сожалению, в последнее время этот брак становится все менее прочным.

с.LXXX). Тридцать шесть лет спустя верность экономистов истории проявилась в стремлении Милтона Фридмана и Анны Дж.Шварц написать «аналитическое повествование» в виде «пролога и фона для статистического анализа долговременной и циклической динамики денежной массы в Соединенных Штатах» (Friedman and Schwartz, 1963, p.XXI–XXII).

Эту главную идею Бюро – что в эмпирической работе нужно не только потреблять исторические факты, но и производить их, внедряя продукцию в соответствующее историческое окружение, – подхватили и развили молодые экономисты-историки 50-х и 60-х годов. Им пришло в голову, что ту статистику, которую экономисты привыкли получать из аккуратных колонок справочников, можно, на самом деле, конструировать (причем за гораздо более ранние периоды, чем это считалось возможным), а потом соотносить эти конструкции с важными историческими проблемами. Обученные в аспирантуре новым математическим, статистическим и вычислительным методам, которые наводнили учебные планы в 50-е годы, они получили орудия труда, с помощью которых стало возможно восстанавливать исторические объекты. Символически используя имена трех человек, роль которых в науке была отнюдь не символической, можно сказать, что студенты Александра Гершенкрона, Саймона Кузнеца и Дагласа Норта оказались хорошими учениками и быстро поняли, что если их учителя могли оценить национальный доход, или платежный баланс Америки, или объем промышленного производства Италии вплоть до 1869, 1881 или 1790 г., то они тоже смогут сделать как это, так и многое другое. Роберт Голлман, студент Кузнеца, скрупулезно восстановил сначала показатели объема товарного производства, а затем и валового национального продукта вплоть до 1830-х годов (Gallman, 1960; 1966). Позже он вместе с Уильямом Паркером, учившимся в Гарварде у А.П.Ашера, а затем у его преемника Гершенкрона, провел масштабное исследование выборки первичных рукописных материалов сельскохозяйственной переписи 1860 г. Ричард Истерлин, другой студент Кузнеца, реконструировал доход по штатам вплоть до 1840 г., а затем использовал длинные колебания («циклы Кузнеца») для анализа динамики американского народонаселения вплоть до середины девятнадцатого века (Easterlin, 1960; 1961; 1968). Альфред Конрад, Пол Дэвид, Альберт Фишлоу, Джон Майер, Горан Олин, Генри Розовски и Питер Темин, все студенты Гершенкрона, в конце 50 – начале 60-х годов сделали Гарвард на некоторое время центром исследований по новой экономической истории. Они посмотрели глазами экономистов на всеми забытые необъятные реестры рабов, сельскохозяйственной техники, железных дорог, школ, сталелитейных компаний в Америке XIX в., сельского хозяйства и государственных финансов в Японии XIX в. и народонаселения в средневековой Европе³. Почти одновременно – время этой идеи явно пришло – возникли такие же центры в университете Рочестера (где два студента Кузнеца, Роберт Фогель и Стэнли Энгерман, исследовали реестры американских железных дорог, рабов и сельского хозяй-

³ Памятником этой работе является первая часть книги под редакцией Розовски (Rosovsky, 1966). Работы Конрада и Майера собраны в книге (Conrad and Meyer, 1964).

ства в XIX в.) и в университете Пэрдью (где Джонатан Хьюз и Ланс Дэвис, студенты Норта, вместе с Эдвардом Эймзом, Натаном Розенбергом и множеством других экономистов переосмысливали показатели финансовых экономических циклов и технологических изменений с XX и вплоть до XIV в.)⁴. Начиная с 1960 г. эти группы ежегодно собирались на конференции в университете Пэрдью, а после 1969 г. они стали проводиться в Висконсинском университете⁵. В других центрах Гэри Уолтон и другие студенты Норта вместе с самим Нортом реконструировали тарифы океанского судоходства вплоть до XVII в. (Walton, 1967; North, 1968). Мэтью Саймон, работавший вместе с творцами фактов в Колумбийском университете и в Национальном бюро экономических исследований в 50-е годы, построил платёжные балансы за 1861–1900 гг. (Simon, 1960). Стэнли Леберготт заново проанализировал американскую статистику труда вплоть до 1800 г. (Lebergott, 1964). Гэрри Уолтон вместе с Джеймсом Шефердом, другим студентом Норта, построил торговую статистику американских колоний (Shepherd and Walton, 1972), а еще один студент Норта и Р.П.Томаса, Терри Андерсон, сконструировал статистику доходов и народонаселения Новой Англии в XVII в. (Anderson, 1972). Роджер Вайс оценил предложение денежной массы в американских колониях (Weiss, 1970, 1974). Так это началось и с тех пор продолжается.

До некоторой степени эти волны фактов возникли внутри экономики. Но, попав в специализированную историческую экономику, эти работы стали жить собственной жизнью. Недавний пример – успех книги Фридмана и Шварц, анализирующей американскую денежно-финансовую статистику с 1867 по 1960 г., который стимулировал исторические работы по более ранней американской статистике, потом по английской, а теперь и по другим странам (Temin, 1969; Sheppard, 1971). Так же появились и исторические исследования по динамике производительности. Ранняя работа Абрамовица и Солоу была, как и труд Фридмана и Шварц, посвящена скорее познанию общих законов, чем истории. В руках экономистов-историков она тем не менее послужила толчком к построению исторических статистических рядов количеств и цен, полезность которых далеко превзошла первоначальные цели. Независимо от того, смогут ли проверившиеся этими экономическими иссле-

⁴ Продукция школы в Пэрдью (расцвет которой пришелся на 1958–1966 гг.) собрана в: (Purdue Faculty..., 1967).

⁵ Фонды сыграли решающую роль в финансировании этого и других проектов по клиометрике. Некоторое время встречи в Пэрдью финансировал Фонд Форда, а Фонд Рокфеллера поддерживал целое поколение студентов Гершенкрана в Гарварде. После небольшой заминки в середине 60-х годов, начиная с 1968 г. финансирование взял на себя Национальный научный фонд США, который с тех пор помогает клиометристам. Если какой-нибудь будущий историк экономической мысли проделает изящные измерения этой истории, он, я думаю, обнаружит, что предельный интеллектуальный продукт этих грантов был необычайно велик.

⁶ Пожалуй, лишь те, кто знаком с английской экономической историей, знают, что «остаток» (совокупная факторная производительность) был изобретен в 20-е годы Дж.Т.Джоунзом для исторического исследования английской и американской промышленности (Jones, 1933, p.33). Ниже мы еще раз покажем, что знакомство с историей вознаграждает и теоретиков.

дованиями теории – экономического цикла, потребления, капиталовложений, экономического роста, денег или динамики производительности – пережить новый поворот интеллектуальной моды, желание применять их в историческом аспекте будет порождать новые незыблемые факты.

Экономистам, которые привыкли к старомодным историческим писаниям или вообще не желают иметь с историей дела, может показаться странным, что история – это кладезь статистической информации. Не слишком образованные экономисты убеждены, что «данные отсутствуют» до того года, с которого начинаются в находящемся у них под рукой справочнике таблицы доходов, заработной платы или экспорта, и двадцать лет назад с ними согласилось бы большинство историков, даже историков-экономистов. Некоторые и сейчас продолжают так думать, с облегчением отказываясь от подсчетов до 1900 г., как только находят для этого тот или иной благовидный предлог: потому что нельзя добиться безупречной точности (оценки содержат ошибки); потому что ни один реальный человек не обладает характеристиками «среднего индивидуума» (есть различия в распределении); или потому, что статистика дегуманизирует историю (устанавливаются наборы ограниченных характеристик рассматриваемых объектов). Экономисту следует знать, что возражения против применения статистики в истории покоятся именно на подобных жалких основаниях, как бы ему ни было приятно предполагать, что у историка есть особый инструментарий, позволяющий проникать в суть вещей, который превосходит его собственные бездушные средства труда. Компьютеризация и связанный с ней прогресс исторической статистики, которого добились новые экономисты-историки, заставили статистический агностицизм в истории выглядеть по меньшей мере странно.

Исторические факты, доступные экономисту в работе, на самом деле столь объемны, что превосходят все мыслимые пределы интеллектуальной алчности и простираются вглубь, хотя и в уменьшающихся объемах, до средних веков. Нужно лишь приложить труд и воображение. В XIII в. никакое министерство сельского хозяйства не собирало статистических данных по английской сельскохозяйственной продукции ради удобства тех, кто в XX в. занимается аграрной экономикой. Но медиевисты давно поняли, что такая статистика содержится в ежегодных отчетах бейлифа своему лорду касательно принадлежащих ему земель. А недавно они поняли, что все земли, принадлежавшие и лордам, и крестьянами, облагались десятиной в пользу церкви, а ее грамотная и добросовестная бюрократия весьма заинтересованно изучала и хранила списки десятин из года в год, что позволяет подсчитать объем продукции⁷.

Конечно, требуются крупные капиталовложения, чтобы придать таким коллекциям фактов приемлемую форму, и в сопоставлении с размерами необходимых инвестиций экономисты-историки, при всей своей энергии, находятся еще только в начале пути. Можно привести в пример поразительную по размеру коллекцию генеалогических хроник,

⁷ Один взгляд на книгу Тайтоу убедит скептиков, как много данных можно извлечь из отчетов бейлифов (Titow, 1972). Данные о десятине практически не используют в английской литературе, а во французской это обычное дело, как у Дж. Гуа и Э. Ле Руа Ладюри (Goy and Le Roy Ladurie, 1972).

используемых для поминовения покойников в мормонской церкви в Солт-Лейк Сити; в этих хрониках – подробные истории семей за несколько поколений. Но тот, кто изучает наследственный и благоприобретенный человеческий капитал, может и более легким путем найти себе материал для работы в исторических документах, если заглянет в них. Например, опросы изобрели отнюдь не вчера. Ими усыпана история Европы и ее ответвлений с 1086 г. до наших дней. Например, сравнительно недавно, в 1909 г., Иммиграционная комиссия США собрала опросные листы полумиллиона наемных работников, из которых более 300 000 родились за границей, а также опросила 14 000 семей, в которых было 60 000 человек. Их спрашивали о профессии, заработной плате, занятости, доходах от собственности, доходах от домашнего хозяйства, жилищных условиях, квартплате, детях, школах, образовании, знании языков, денежных переводах за границу, количестве денег, с которым они впервые прибыли в США, и о многом другом. Комиссия опросила и нанимателей по довольно широкому кругу вопросов. Итоги были опубликованы в 42 томах «Отчета», в котором много любопытного ожидает экономиста, интересующегося накоплением человеческого капитала, циклом жизни личных доходов, вовлечением женщин в рабочую силу, миграцией и дискриминацией⁸. Любые отчеты, которые люди пишут о своей или чужой экономической деятельности, дают дополнительные наблюдения для экономиста в его исследованиях. Экономисты-историки знают, что подобные записи люди начали делать уже очень давно.

3. ЛУЧШЕЕ КАЧЕСТВО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Не только экономика вдохновляла экономистов-историков на реконструкцию статистики прошлого, дающей экономистам новые категории фактов, во многих отношениях более богатых, чем факты современные. Само то обстоятельство, что люди и компании девятнадцатого и предшествующих веков уже мертвы, позволяет выставить на всеобщее обозрение касающиеся их документы, закрытые для экономиста, который желает изучать живых или недавно скончавшихся субъектов. Только успешный антитрестовский процесс позволяет обнародовать документы о заговорах «Дженерал Электрик», имевших целью ограничение свободной торговли, но исследователь промышленной организации мог бы при желании получить у историка бизнеса информацию об издержках и доходности сговоров, которая подкрепила бы статистику его размышления об их масштабах. Министерство торговли, Комиссия по ценным бумагам и биржам и собственные интересы компаний обеспечивают снабжение обществу обрывками информации об издержках, доходах и капиталовложениях промышлен-

⁸ См. краткое описание материалов «Отчета» в: (Higgs, 1971). Р.Хиггз использовал опубликованные тома, но рукописные анкеты, если они сохранились, открывают еще много неизвестного. Кстати, «Отчет» – прекрасный пример того, насколько необходимы широкие исторические познания для истолкования исторической статистики. Сам по себе этот документ был проникнут чувствами американского превосходства и расизма в откровенном стиле эпохи Большой Дубинки и Бремени Белого Человека.

ных фирм, но исследователи инвестиций и финансов могли бы получить гораздо больше информации в таких работах, как книга Ф.МакГулдрика «Текстильная промышленность Новой Англии в XIX в.: доходы и инвестиции» (McGouldrick, 1968)⁹. Даже в отношении фирм, деятельность которых теперь подлежит жесткому регулированию со стороны любознательного правительства, например банков, старые документы, некогда конфиденциальные и потому откровенные и полные, лучше новых (Olmstead, 1974).

Демографическая история, долго практиковавшая вне экономической истории, но теперь активно на нее влияющая, дает еще более яркие примеры того, насколько предпочтительнее покойники как объект экономического исследования. Сами регистрационные списки умерших, оценки наследуемого имущества, завещания – богатые источники фактов (см. Jones, 1972), равно как и подсчеты некогда живших. Правило открытия информации через сто лет, скажем, в Англии, позволяет сделать с материалами переписи населения 1871 г. то, что невозможно для переписи 1971 г., – проанализировать выборку или, при желании, данные о всем населении всех шахтерских городов (с их поразительно высокой рождаемостью) или всех заводских поселков (с их поразительным разнообразием в структуре семей)¹⁰. Главное, что отсутствует в любой современной выборке из переписи, – это имя человека, а без этого имени невозможно связать данные переписей с другими источниками информации. Чтобы оценить значение этого факта, достаточно вспомнить, что люди и правительство сегодня более методично ведут свои документы и более смелы – можно даже сказать, бесцеремонны – в своем любопытстве, чем когда-либо ранее, и если какой-нибудь будущий экономист-историк сможет проследживать людей по имени (или по номеру карточки социального страхования) через все документы семей, фирм, Службы внутренних доходов*, кредитных учреждений, школ, больниц и судов, то наши знания о поведении экономических субъектов, мягко говоря, расширятся. Демографы-историки сообразили, что не нужно ждать до XXI в. (а если подождать, то мы будем разочарованы, потому что удешевление путешествий и распространение телефона – неприслушиваемого – обеднило письменные документы). Если, к примеру, для решения некоторых вопросов экономики труда потребуются экономические биографии отдельных людей, историк готов предоставить их во всех подробностях. В трудах Кембриджской группы по истории народонаселения и социальных структур,

⁹ Гэвин Райт назвал эту впечатляющую работу «самым вертикально интегрированным» исследованием на сегодняшний день. МакГулдрик сам осуществил все «стадии производства», начиная с работы с первоисточниками – данными по выборке текстильных фирм, действовавших в Уолтэме и Лоуэлле в 1836–1886 гг., до анализа различных концептуальных проблем, связанных с подсчетом основных фондов, продукции, мощностей и т.д.; кончая, наконец, регрессионным анализом движения дивидендов и инвестиций» (Wright, 1971, p.440).

¹⁰ См. книгу под ред. Э.А.Ригли (Wrigley, 1972), особенно очерк Майкла Андерсона (Anderson) об использовании рукописных материалов британской переписи для изучения структуры семьи.

* Служба внутренних доходов – налоговое управление США. (Прим. ред.)

опирающихся на послевоенные работы французских демографов-историков, прослежены истории английских семей за два столетия на основе, пользуясь канцелярским жаргоном, «актов гражданского состояния» – записей о рождениях, смертях и браках – начиная с XVI в.¹¹. В проекте, который на сегодня можно назвать самым амбициозным предприятием такого рода, ученые Монреальского университета восстанавливают данные о всем населении Квебека от начала колонизации до франко-индейской войны, фиксируя каждое упоминание каждого человека в поразительно полных архивах Французской Канады и связывая их в единое целое. По мере расцвета эры экономистов и калькуляторов такую статистику можно будет увязывать со все более широким спектром регистрационных записей о доходах, недвижимости, состоянии дел, образовании и тому подобных, что позволило воссоздавать жизненные истории гораздо успешнее, чем это делается в использующих текущие данные работах, подготавливаемых с большой любовью и публикуемых в каждом номере «Journal of Political Economy» или «American Economic Review».

Наиболее масштабными обследованиями являются, конечно, переписи, и, когда рукописи открываются, то есть когда перепись устаревает, ничто не может сдерживать любопытства экономиста. К примеру, в упомянутой выше работе Паркера и Голмана проведено сравнение рукописных материалов американской сельскохозяйственной переписи 1860 г. с рукописными же материалами переписи населения – такое сравнение нельзя провести по нынешним анонимным переписям, в которых не указывается имя респондента, – что дало полную характеристику тех, кто был занят сельскохозяйственной деятельностью. Поскольку в переписи 1860 г. ставился вопрос о богатстве обследуемых, можно определить детерминанты распределения богатства в 1860 г. в таких деталях, какие недостижимы для современных переписей, и эти возможности сейчас использует Ли Солтоу (Soltow, 1975). Роджер Рэнсом и Ричард Сатч смогли из рукописей переписи 1880 г. извлечь детальные характеристики случайной выборки, состоящей из 5283 ферм в Южных штатах, и исследовали вопрос о расовой дискриминации более точно, чем это обычно возможно по современным данным (Ransom and Sutch, 1977). В сравнении с такой богатой и разнообразной фактологией обычный набор экономиста выглядит жалким и мизерным.

И погрешностей в этих фактах ничуть не больше, чем в современных. Считать, что в исторической статистике больше погрешностей, наивно по двум причинам: это значит, во-первых, переоценивать современную статистику, во-вторых, недооценивать статистику историческую. Экономист, если его прижать, обычно сознается, что в его данных, скажем, о ценах в американской экономике за последние двадцать лет есть крупные погрешности, степень которых неизвестна, потому что качество рассматриваемых товаров улучшилось, потому что прейскурантные цены мало соответствуют ценам сделок, потому что принцип определения выборки для переписи сомнителен или потому что используемый индекс цен мало соответствует концептуально правильному определению.

¹¹ Избранные труды Кембриджской группы стоило бы включить в любой список рекомендуемой литературы по «новой» экономике труда. Аналитический обзор см. в: Wrigley, 1969; а в качестве примера работ такого рода – Leslett, 1972.

нию. Он сознается и в том, что эти погрешности вводят смещения неопределенной направленности в его множественные регрессии, в которых цены выступают в качестве независимой переменной. Он все равно будет оценивать эти регрессии, утешая себя заблуждением, что лучших данных все равно нет и что его оценки, по крайней мере, состоятельны*.

Сталкиваясь с неверием обеих сторон – коллег-историков в убедительность статистической аргументации, а коллег-экономистов в надежность исторической статистики, – экономист-историк не может идти проторенным путем. Он уже развил в себе искусство творческого сомнения, которое практикуется в некоторых других разделах экономики, а могло бы не без пользы практиковаться и более широко. Привычка проверять свои аргументы на чувствительность к возможным погрешностям в данных или возможным ошибкам в аналитических рассуждениях распространена среди ученых и историков, но не среди экономистов. Многие, конечно, понимают ненадежность «данных» и действуют соответственно. Традиция Национального бюро и более добросовестных эмпириков вне его публиковать полное описание того, как были получены данные и где могут быть ошибки, в надежде, нередко тщетной, что пользователи это прочитают, соответствует традициям в историографии. В предисловии к книге Альберта Фишлоу «Американские железные дороги и трансформация предвоенной экономики» Александр Гершенкрон обратил особое внимание на «статистические приложения, в которых автор полностью раскрывает свою творческую лабораторию и без которых невозможно оценить всю важность этого исследования и надежность интерпретации результатов» (Fishlow, 1965, p.VIII). И все же крупные журналы по общей экономике редко публикуют такие ревизии фактов, как статья Роберта Дж.Гордона «45 миллиардов долларов американских частных инвестиций были потеряны», возможно потому, что экономисты редко их пишут (Gordon, 1969)¹². Цви Грилихес точно определил причину, по которой экономисты не интересуются источниками данных и их погрешностями: «Проблема, я думаю, возникает во многом потому, что в экономике те, кто производит данные, отделены от тех, кто их анализирует. В общем, мы не производим собственные данные, а потому и не чувствуем за них ответственности» (Griliches, 1974, p.973).

Экономистов-историков, которые должны сами собирать свои материалы и привыкли обращаться с ними скорее как историки, чем как экономисты, сохраняют чувство ответственности за данные. Лучшим примером такого отношения на сегодня является, видимо, книга Ро-

* Оценка параметра множественной регрессии является состоятельной, если при увеличении размера выборки ее так называемый предел по вероятности равен ее математическому ожиданию (см.: Джонстон, 1980, с.269–271). (Прим. ред.)

¹² Тот факт, что Джордж Джэзи из Министерства торговли США мог утверждать в своем комментарии, будто Гордон не открыл ничего нового (Jaszi, 1970), заставляет задуматься о другом: подробности о данных, даже и важные, не интересны экономистам. В своем ответе Джэзи сам Гордон заявляет, что «профессиональные экономисты, и особенно исследователи производственных функций, ничего не знали о капитале, которым владеет государство, а распоряжаются частные лица» (Gordon, 1970, p.945), и узнали только из его статьи. Это, очевидно, верно.

берта Фогеля «Железные дороги и экономический рост в Америке» (Fogel, 1964)¹³. В этой работе, сочетающей традиции творческого сомнения в экономической истории и в оценке проекта, 260 страниц фактически посвящены получению одной цифры – размера прибылей от инвестиций в американские железные дороги в XIX в. Фогель начал это исследование, считая, что сумеет подтвердить предположение о незаменимости железных дорог, из которого исходили авторы более ранних работ (например, Шумпетер и Ростю), но обнаружил, к своему удивлению, что факты заставляют в этом усомниться. Поэтому, чтобы разрешить свои сомнения, он направил свою энергию на вычисление верхнего предела возможного вклада железных дорог в национальный доход и обнаружил, что он невысок. Отсюда он пришел к выводу, что железные дороги нельзя считать незаменимыми для экономического роста в Америке. Для экономистов качество исторических фактов нередко превосходит качество фактов сегодняшних: первые более подробны, объемны и точны, а к содержащимся в них ошибкам относятся с должным почтением.

Но конечно, их качество лучше и в другом смысле, – ведь история ставит эксперименты и снабжает экономиста не только более ценными и точными, но и более разнообразными фактами. Жутковатый пример такого рода – использование Т.У.Шульцем индийской статистики сельскохозяйственной продукции и народонаселения во время эпидемии инфлюэнцы 1918–1919 гг. для доказательства того, что предельный продукт труда был положительным и примерно равным выплачиваемой зарплате: продукция сокращалась по мере сокращения работающего населения, и поэтому рабочая сила не была «избыточной», вопреки утверждениям авторов многих работ об экономическом развитии, в том числе Индии (Schultz, 1964, p.63–70). Столь же мрачный эксперимент, Великая депрессия, надолго останется великим полигоном для макроэкономических теорий, в чем имели случай убедиться монетаристы, фискалисты и прочие. Фридман и Шварц очень способствовали пониманию коварства денежно-финансовой политики, когда доказали, что она не столько не оказывала воздействия, сколько совершенно неправильно проводилась в 30-е годы. В свою очередь Э.Кэри Браун очень способствовал пониманию потенциала фискальной политики, когда доказал, что она не столько провалилась, сколько не проводилась (Brown, 1956; см. также Peppers, 1973).

Время от времени каждый экономист должен осознавать, что история уже провела тот эксперимент, который ему нужен. Он должен понимать и то, что экономика, как и астрономия, – наука, построенная на наблюдениях, и имеющиеся данные и средства контроля не следует воспринимать как заданные извне. Однако во время своих нечастых посещений «обсерватории» экономист направляет свой телескоп только на солнце, луну и ближние планеты. Делает он это по двум причинам: во-первых, он считает, что только эти близкие к дому объекты помогают понять поведение родной планеты; во-вторых, он считает, что за-

¹³ Фогель сделал расчеты за 1890 г., «Американские железные дороги» Фишлоу – аналогичное исследование на материалах середины девятнадцатого века (Fishlow, 1965). Вместе они обеспечили блестящее переосмысление роли транспорта в экономическом росте Америки, за что и получили в 1971 г. премию Шумпетера.

глядывать за пределы близлежащей солнечной системы, не говоря уже о галактике, – значит заглядывать в иную структуру, где могут не действовать привычные ему законы, согласно которым существует только шесть планет, звезды прикреплены к небесной сфере, а свет движется по прямой. Ниже будет рассмотрена точка зрения, заключающаяся в том, что история не важна для государственной политики, и доказана ее несостоятельность. Достаточно очевидна несостоятельность и другой точки зрения – будто история происходит из иной структуры, нежели ежеквартальные цифры национального дохода за послевоенный период, и потому ее не нужно знать. Тех, кто смотрит на мир таким образом, пытаясь облегчить свою эмпирическую работу, остается только пожалеть. В своей невинности они всегда будут считать, что «эмпирическая работа» – это компиляция приложения к «Экономическому докладу Президента» и «Эконометрических методов» Джонстона. Даже серьезные и умудренные опытом ученые-экономисты склонны принимать на веру утверждение, что прошлое устроено иначе. Клиометристам же приходится подвергать проверке это утверждение на каждом шагу, когда они сталкиваются как с экономистами, так и с историками, которые принимают его как само собой разумеющееся. В самом деле, если бы выводы новой экономической истории за последние лет пятнадцать нужно было суммировать одной фразой, она звучала бы так: в XVIII и XIX вв. погоня людей за прибылью имела такую незамутненную и конкурентную форму, какая только может привидеться экономисту в мечтах об аукционерах* и совершенных рынках. Вслед за Лениным и Вебленом можно, конечно, считать, что атомистическая конкуренция времен Смита и Милля умерла, а простейшие модели конкурентного поведения могут подходить для XIX в., но не для XX. Однако, хотя этот тезис играл большую роль в политэкономии последних пятидесяти лет, он никогда не подвергался проверке, по крайней мере достаточно убедительной для тех, кто не был в нем убежден изначально, что лишь подкрепляет нашу точку зрения. Даже если бы можно было показать, что для какого-то явления (скажем, воздействия государственных расходов на занятость) среда XIX в. настолько отличалась от, например, 1970-х годов, что из этого сравнения вряд ли можно было бы что-то узнать о сегодняшних структурах, остается непреложным тот факт, что структуры продолжают изменяться, как показывают нередко обескураживающие, а иногда и комические результаты прогнозов, полученных с помощью больших эконометрических моделей. История, как и изучение других стран и культур, есть познание структурных изменений. Знакомый пример – распространенная практика изъятия из регрессий военных лет как вторжений из иных структур. Однако войны повторяются, и ученому-экономисту, даже если его интерес к науке ограничивается возможностями ее приложения к сегодняшней государственной политике, приличествует знать, как война меняет функционирование экономики (см., например: Gordon and Walton, 1974; Olson, 1963). Пол Дэвид выразил то же самое следующими словами: «Уравнение, которое вполне подходит для половины дан-

* Аукционер – абстрактный агент рынка в теории общего равновесия Л.Вальраса. (Прим. ред.)

ных, входящих в имеющиеся долгосрочные статистические ряды, но не подходит для остальной их части, в глазах обычного экономиста-прикладника никуда не годится, ему приходится преодолевать искушение отбросить непокорные данные при изложении полученных результатов. Напротив... экономист-историк может радоваться наповину не удавшемуся уравнению регрессии как триумфу в том смысле, что обнаруженное изменение в экономической структуре сигнализирует ему: надо выяснить, что произошло в истории» (David, 1975, p.14).

Во всяком случае, сужение кругозора до ближних объектов не менее странно в экономике, чем оно было бы в астрономии. При желании всегда можно привести примеры более крупных, четких и решающих исторических экспериментов, нежели те, которые предоставляет нам недавний опыт. Тревожившие современные правительства миграции из одной страны в другую в течение последних двадцати лет есть лишь бледная тень миграций XIX в.¹⁴ То же самое можно сказать и о миграциях капитала: если кто-то пожелает оценить воздействие иностранных инвестиций на экспортирующую или импортирующую страну, то самый доступный материал – опыт Великобритании, Франции, Аргентины и Канады в конце XIX в.¹⁵ (так, за период 1870–1913 гг. Великобритания отправила за границу треть своих сбережений). Если кто-то пожелает оценить бремя или выгоды государственного долга, то самые очевидные эксперименты – опыт Великобритании с долгом во время наполеоновских войн или Америки во время Гражданской войны, и произошло это до того, как правила внутреннего налогообложения, вкупе с другими нарушающими порядок факторами, пришли в сегодняшнее хаотическое состояние (об американском долге см.: Williamson, 1974). В 1820-е годы долг английского правительства примерно в два с половиной раза превышал национальный доход, почти такое же соотношение наблюдается сейчас в Соединенных Штатах¹⁶. Если кто-то пожелает оценить воздействие изменений в законодательстве, то к его услугам масштабные и разнообразные эксперименты – опыты XIX и более ранних веков с законами о корпорациях, об обязательном школьном образовании, о детском труде и т.п. (Sylla, 1969; Landes and Solmon, 1972; West, 1975; Sanderson, 1974). А если кто-то пожелает оценить воздействие плавающего обменного курса, то не менее масштабны и разнообразны опыты США в 1860-е и 1870-е годы, Великобритании с 1914 по 1925 г. или Китая в 1930-е годы. Времена свободной банковской деятельности, как это было в США перед Гражданской войной, дают материал для

¹⁴ Об этом экономисты-историки написали очень много: Thomas, 1954; East-erlin, 1961; Hill, 1970; Neal and Uselding, 1972; Kelley, 1965.

¹⁵ См. статью Майкла Иделстайна (Edelstein, 1974) и процитированные в ней работы. Основополагающей работой о стране-импортере капитала была книга Джейкоба Вайнера (Viner, 1924). Исторически насыщенными были и другие труды Школы международных финансов Тауссига, опубликованные в Гарварде в 20-е и 30-е годы: Williams, 1920; White, 1933; Beach, 1935. Сам Тауссиг в молодом возрасте писал исторические работы (Taussig, 1888).

¹⁶ Ср.: Feldstein, 1974, p.915, col.3 и Dean and Cole, 1962, p.8, 366, 402. То же самое относится к процентам по государственному долгу, которые в обоих случаях составляли 8–9% ВВП (ср.: Mitchell, 1962, p.396 и Economic Report of the President, 1975, p.325).

изучения последствий свободного вхождения на рынок (Rockoff, 1974); времена свободных рынков капиталов, как это было во время Гражданской войны, дают материал для анализа реакции ожиданий на текущие события (Roll, 1972); времена массивных новых инвестиций в общественную гигиену, как это было в американских городах после Гражданской войны, дают материал для оценки стоимости здоровья (Meeker, 1972; Meeler, 1974). История – это лаборатория общества.

4. ЛУЧШЕЕ КАЧЕСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Характер воздействия продуктов этой лаборатории на экономические идеи понятен лишь немногим экономистам. Конечно, воздействие оказывает и заголовок сегодняшней газеты, тем более что после его появления деньги на научные исследования выделяются весьма быстро. Но результаты исторических наблюдений, истинные или ложные, преопределяют реакцию на этот заголовок.

Можно привести целый ряд таких общепризнанных исторических наблюдений (хотя некоторые из них в последнее время ставятся клиометристами под сомнение). Так, наблюдение, что прирост основных фондов на душу населения, вызвало в конце 50-х годов интеллектуальный взрыв в виде моделей экономического роста, учитывающих изменения технологии. Историческое наблюдение, что норма сбережений была долгое время постоянной, вызвало в начале 50-х годов взрыв несколько меньшего масштаба в виде теории функции потребления. Историческое наблюдение, что доля труда в доходе – величина постоянная, вызвало в 30-е годы еще один взрыв в виде теории производственной функции. Влияние экономической теории на исторические труды заметно в большинстве работ по новой экономической истории, но влияние экономической истории на теоретические труды заметно только в пионерских работах, и впоследствии забывается. Высокая норма исторических резервов в теоретических депозитах работ Роберта Солоу, Милтона Фридмана или Пола Дагласа не сохраняется в работах их интеллектуальных клиентов, в результате чего интеллектуальная масса многократно мультиплицирует фактологическую базу и оказывается подвержена резким колебаниям*.

Об этом хорошо написал Рондо Кэмерон: «В дискуссиях о роли теории в исторических исследованиях часто утверждается (возможно, потому, что это утверждение верно), что историк а priori исходит из каких-то идей. Поэтому желательно, чтобы эти идеи формулировались, а если возможно, и систематизировались в явном виде. Иными словами, выбор лежит не между теорией и отсутствием теории, а между явной, осознанно сформулированной теорией и неявным, неосознанным теоретизированием. Почти то же самое можно сказать об использовании истории теоретиками. Даже самый презирующий историю экономист кое-что из истории использует: свой собственный опыт, опыт своего

* В этой фразе обыгрывается стандартная терминология, используемая в работах по кредитно-денежным проблемам: норма обязательных резервов банков и соотношение резервов с суммой депозитов вкладчиков, банковские клиенты, денежная масса, денежная база и т.д. (Прим. ред.)

поколения или некие исторические обобщения, которыми полон фольклор даже самых изысканных обществ» (Camegon, 1965, p.112).

Самый очевидный пример – теория экономического роста, где определенный ряд исторических условностей подавляет аргументы. Эти условности – Николас Калдор в 1958 г. назвал их «стилизированными фактами», и этот эвфемизм получил широкое распространение – представляли в свое время интеллектуальный изыск, а теперь превратились в банальность. Они были сформулированы в 50-е годы, до того как экономисты-историки начали всерьез устанавливать нестилизированные факты. По крайней мере, не ясно, подтвердит ли их работа постоянство коэффициента капиталоемкости, нормы прибыли или темпов прироста производительности труда и основных фондов. Как заметил Роберт Солоу в заключение короткого исследования о реальном значении этих параметров для устойчивости экономического роста, «устойчивое состояние – неплохой исходный пункт для теории экономического роста, но оно может представлять серьезную опасность в качестве конечного пункта» (Solow, 1970, p.7). Судя по историческим работам экономистов, написанным за последние лет двадцать и, видимо, неизвестным теоретикам роста, так оно и есть. За вторую половину XIX в., например, коэффициент капиталоемкости в Америке удвоился, а в Великобритании снизился на треть; за первую половину XX в. этот коэффициент в Америке снизился на 22%, оставаясь примерно постоянным в Великобритании¹⁷. Впрочем, вполне возможно, что результаты будут другими, если использовать более полное определение «капитала», включающее приобретенное человечеством умение, и более полное определение «выпуска», включающее продукцию домашних хозяйств. Экономисты-историки, сталкиваясь с продолжительными периодами в истории, когда соотношение между узкими и широкими определениями резко менялось, вынуждены регулярно заниматься такими уточнениями. Но независимо от того, уточнены они или нет, факты, собранные экономистами-историками при изучении экономического роста, стоят того, чтобы к ним вернуться. Это, вероятно, яснее всего проявляется в вопросе о техническом прогрессе, главном конфузе современной теории экономического роста. Как недавно отметили Р.Р.Нельсон и С.Г.Уинтер (Nelson and Winter, 1974), историкам техники, таким, как Пол Дэвид, Питер Темин и Натан Розенберг, есть что сказать теоретикам (см., например: Rosenberg, 1972; David, 1975), но головы теоретиков заняты другими проблемами.

¹⁷ Для Соединенного Королевства см.: Feinstein, 1972, tab.1, 20, 43; для США – Davis et al., 1972, tab.2.9. В связи с этим можно заметить, что обе книги, из которых взяты цифры, демонстрируют роль «социальных обсерваторий» в поощрении новой экономической истории: книга Файнстайна – одна из серии работ, выходящих при участии Национального института экономических и социальных исследований (Британского эквивалента Национального бюро экономических исследований) и кафедры прикладной экономики Кембриджского университета; восемь из двенадцати авторов книги (Davis et al., 1972) работали в Национальном бюро экономических исследований, а сама книга – фактически разъяснение и итоги долгого исследования тенденций экономического роста в Америке, проводившегося ими и другими специалистами, в частности Саймоном Кузнецом, под эгидой Бюро.

Псевдоисторическим мышлением грешат, конечно, не только авторы теоретических математических моделей экономического роста. Как бы ни были часты обращения на словах якобы к опыту истории, в словах, так же как и в уравнениях, нет ничего такого, что защищало бы наиболее бесцеремонных теоретиков от попадания впросак. Вот лишь некоторые примеры теорий, не выдержавших столкновения с историческими фактами: Давида Рикардо о росте земельной ренты, Карла Маркса об обнищании промышленного пролетариата, Владимира Ленина о прибыли при империализме, Денниса Робертсона о внешней торговле как двигателе экономического роста, Хэролда Инниса о предметах первой необходимости как ядрах роста, У. Артура Льюиса о развитии в условиях неограниченного предложения рабочей силы, Уолта У. Ростоу о «взлете» как следствии великих изобретений и резкого повышения нормы сбережений (см. соответственно: Lindert, 1974; Hartwell, 1970; Thomas, 1968; Kravis, 1970; Chambers and Gordon, 1966; Kelley, Williamson and Cheetham, 1972; Rostow, 1963). Это не значит, что теоретики должны оставить свои грифельные доски или пишущие машинки ради ближайшего архива. Достаточно изредка заходить в библиотеку. А также им стоит усомниться, могут ли они без посторонней помощи обобщать исторический опыт в нескольких стилизованных фактах.

Вклад истории в теорию состоит не только в том, что она льет воду фактов на мельницу теоретиков. Использование теории в экономической истории украшает теорию и испытывает ее, и в этом отношении экономическая история не отличается от других разновидностей прикладной экономики. Приложение метода межотраслевого баланса к измерению реальной степени протекционизма в Америке XIX в. подвергает испытанию этот метод, точно так же как и применение его к измерению реальной степени протекционизма в современном Пакистане (Whitney, 1968; Guisinger, 1970). У экономиста-аграрника, например, не вызовет неприязни использование простых моделей спроса и предложения при изучении истории развития судостроения, текстильной или сталелитейной промышленности в Америке, и его не удивит то, что эти модели становятся глубже в процессе такого использования¹⁸.

Так же и тот, кто изучает международную торговлю, макроэкономику или рынки труда, не увидит ничего странного в применении двухсекторной модели общего равновесия к американской экономике до и после Гражданской войны или к английской экономике во время наполеоновских войн¹⁹, моделей денежного обращения и цен – к английскому и американскому экономическому циклу в начале XIX в. (Temin, 1974), или модели предельной производительности – к рабству

¹⁸ Среди многих других см. работы: Harley, 1973; Zevin, 1971; Fogel and Engerman, 1969, перепечатано в: Fogel and Engerman, 1971. Последняя книга, в частности, представляет собой хорошую подборку работ новых экономистов-историков об Америке, как и книга под ред. П. Темина (Temin, 1973).

¹⁹ См.: Pope, 1972; Passell and Wright, 1972; Passell and Schmundt, 1971; Hueckel, 1973; самая амбициозная пока работа на эту тему: Williamson, 1974. Клиометристы – одни из немногих экономистов, которые используют нелинейные модели общего равновесия на эмпирическом уровне.

или послевоенной итальянине²⁰. Он может слегка удивиться, что такие давние события можно анализировать при помощи инструментария, усовершенствованного в середине XX в., а может и восхититься тем, как мастерски возвращаются в экономическую мысль давно вычеркнутые из нее проблемы. Но в целом поймет, что хорошая экономическая история – это просто хорошая прикладная экономика.

В скобках стоило бы заметить, что его понимание будет неверным в одном важном аспекте, потому что хорошая экономическая история должна быть также хорошей историей. Именно это требование ставит экономическую историю высшего класса на один уровень трудности, скажем, с эконометрикой высшего класса, которая требует прекрасно знания статистики, или математической экономикой высшего класса, которая требует прекрасного знания математики²¹. Правда, некоторые новые экономисты-историки считают, что экономическая история суть приложение теории производственной функции или эконометрики к более или менее туманному представлению о том, что происходило в истории, так же как другие экономисты считают, что экономическое мышление суть приложения множителей Лагранжа или теории оптимального контроля к более или менее туманному представлению о том, что именно должно максимизироваться. Но лучшие новые экономисты-историки – одновременно и историки и экономисты, так же как лучшие экономисты – одновременно и социологи и математики-прикладники.

Однако даже на низших уровнях исторических, а не только экономических обобщений преобразование экономической истории в качественную прикладную экономику, в ходе которого проявилась мощь современной экономической теории, было замечательным достижением, сравнимым с преобразованиями последнего десятилетия в экономике политического процесса, прав собственности, рынков труда и домашних хозяйств. На некоторое время новые экономисты-историки, как и новые экономисты-трудовики и все остальные, почувствовали себя арбитрами в соответствующих областях науки. Но экономическая история обеспечила и другое вознаграждение в области теории. Всякое распространение экономики на новые объекты ставит новые вопросы, на которые не может ответить существующая теория и для которых должна создаваться новая теория. Экономисты-историки смело взялись за это. Их смелость в теории вызвана отчасти и непокорностью мира: когда главная цель ученого – понять причины исторических и сегодняшних поступков, а не проверить известную экономическую мысль и тем более ее логику, он берет любые идеи, а не только те, на

²⁰ Работы Goldin, 1973; 1976; Fogel and Engerman, 1974 – самые свежие примеры из обильной литературы о рабстве, ведущей свое происхождение от ранней работы Conrad and Meyer, 1958. Reid, 1973 – пример из столь же обильной литературы об итальянине, написанной клиометристами (см., например: Higgs, 1974; DeCanio, 1974; Ransom and Sutch, 1977).

²¹ Любому экономисту-историку встречались коллеги, заявлявшие, что они тоже экономисты-историки. Это обычно означает, что они оценили регрессию аж с 1929 г. С таким же эффектом экономист, который использует арифметические действия, мог бы заявить своим коллегам экономистам-математикам, что он тоже экономист-математик.

которых поставлен *imprimatur** экономического епископа²². Она вызвана и необычно тесным контактом экономистов-историков с другой дисциплиной – историей. Они в большей степени восприняли интеллектуальные ценности историков, чем экономисты-социологи – ценности социологов или экономисты-правоведы – ценности юристов, а потому особенно любят ставить вопросы, на которые в экономике нет готовых ответов. В качестве примера можно упомянуть вопрос о причинах возникновения политических и социальных революций, вопрос, которого, вопреки ожиданиям, старательно избегает большинство политологов и социологов. Историк, который хочет написать целостную историческую работу, не может избежать этого вопроса, даже если бы и хотел, потому что революции такие как Американская революция и Гражданская война, это суть изменений и изменение сути истории²³. В связи с этим новая экономическая история в Америке уделяет много внимания причинам революции и Гражданской войны и анализирует их в соответствии с принципом сравнительного преимущества, руководствуясь типично экономической концепцией разумного и осознанного эгоизма. Новая экономическая история внесла свой, пусть скромный, вклад в понимание Американской революции, измерив экономические тяготы Навигационных актов и обнаружив, что они были невелики (см. статью (McClelland, 1969) и процитированные в ней работы). Она внесла вклад в понимание Гражданской войны, измерив экономические тяготы Юга, вызванные введением таможенных тарифов и ограничений на распространение рабства, и обнаружив, что они тоже были невелики (Pope, 1972; Passell and Wright, 1972). Если кто-то считает, что экономические интересы определяют политическое поведение, он опять-таки может обратиться к новым экономистам-историкам, которые дадут количественную оценку этих интересов. Если кто-то так не считает, он может обратиться к новым экономистам-историкам, которые дадут количественную оценку любых экономических параметров. К примеру, показав, что рабство еще не отмерло экономически накануне Гражданской войны, новые экономисты-историки смогли опровергнуть утверждения многих сочувствующих

* *Imprimatur* (лат.) – печатать. Формула цензурного разрешения, допущения к печати в средние века. (Прим. ред.)

²² В качестве примера можно привести книгу Дж.Г.Уильямсона, особенно главу V (Williamson, 1964). Сначала он безуспешно использует традиционные теории, чтобы объяснить изменения американского платежного баланса в XIX в., и, наконец, разрабатывает то, что теперь известно как монетаристская концепция, на несколько лет раньше, чем она была впервые сформулирована в теории. П.Б.Уэйл, начав с аналогичной исторической проблемы, сделал то же самое в 1937 г. (Whale, 1937).

²³ Целостность принесена в жертву специализации в коллективном труде Л.Дэвиса и др. (Davis et al., 1972), который во многих других отношениях представляет собой превосходное изложение работ клиометристов. Ориентация на экономическую революцию (подзаголовок книги – «История США глазами экономиста») заставила обойти вклад новой экономической истории в политическую историю. Революция, президент Джексон и его борьба со Вторым банком, тарифы, рабство, Гражданская война и свободная чеканка серебряной монеты занимают, согласно указателю, в общей сложности 20 страниц, – меньше, чем одна рубрика «Каналы».

Югу историков, будто военное вмешательство не было необходимым для отмены рабства (Conrad and Meyer, 1958; Yasuba, 1961; Gunderson, 1974). Во всяком случае, приложение экономики к политике поднимает теоретический вопрос, которым пренебрегает большинство экономистов (в частности, большинство экономистов левее Милтона Фридмана и правее Пола Суизи), – о введении политики в экономические модели²⁴.

В последние несколько лет экономическая история все чаще обращалась к подобным вопросам, имеющим первостепенную важность для развития экономики как общественной науки. Например, углубленное исследование рабства в Америке, особенно в книге Фогеля и Энгермана (Fogel and Engerman, 1974), поставило вопрос о роли принуждения в экономическом обществе. Не считая растущего числа экономистов-марксистов, которые, как и их коллеги из правых, на редкость историчны, экономическая мысль в этом процессе не выходила за пределы случайных замечаний о командной экономике в сравнении с рыночной, подразумевая при этом, что в рыночных экономиках редко используется принуждение, за исключением налогов, обязательности контрактов и уголовного законодательства. Это предположение никогда не соответствовало действительности в отношении той части населения, которая не достигла совершеннолетия, не говоря уже, конечно, о рабовладельческом обществе. Фогель и Энгерман сумели показать, что рабовладельцы Юга были капиталистами и использовали рыночный механизм, а не один только кнут для управления своими рабами. В статье «Рабство – прогрессивный инструмент?», где дается большая рецензия на эту книгу, два других экономиста-историка, Пол Дэвид и Питер Темин, утверждают, что нет такой экономической теории, которая могла бы объяснить подобные смешанные системы, построенные на поощрении и принуждении (David and Temin, 1974, особенно р.778–783). Может, это и так, но тогда тем хуже для теории.

Сам предмет бросает вызов экономисту-историку, заставляя его расширять кругозор. Очевидно, что при всем желании невозможно изучать долговременные экономические колебания без анализа долговременных данных о движении доходов (Klotz and Neal, 1973); невозможно изучать долгосрочные факторы, определяющие размеры городов, без длительных рядов статистики численности их населения (Swanson and Williamson, 1974). Но дело не только в этом. Не приходится ожидать, что экономист, внимание которого сосредоточено на современности, задастся вопросом, почему меняются институты рынков труда и капитала, как это сделали Ланс Дэвис и Даглас Норт в книге «Институциональные изменения и экономический рост в Америке» (Davis and North, 1971). Еще менее вероятно, что он задастся вопросом, чем вызывается расцвет и упадок фундаментальных общественных связей, как это сделали Норт и Роберт Томас в книге «Расцвет

²⁴ Революция и Гражданская война – не единственные политические события, привлекавшие внимание новых историков-экономистов; см.: Pincus, 1972 – о причинах введения тарифов в начале XIX в.; LeVeen, 1971 – о пресечении англичанами работорговли; Freeman, 1972 (пример прекрасной исторической работы неисторика) – о росте дискриминации в образовании на Юге; Higgs, 1971, ch. IV; Bowman and Keehn, 1974 – о протесте сельского населения в конце XIX в.; Wright, 1974 – о политической экономии расходов в рамках Нового курса.

Западного мира» (North and Thomas, 1973). Весьма немногие экономисты всерьез пытались не теоретизировать, а измерять способности к управлению, или, если выразиться более напыщенно, к предпринимательству, этому фантому теории фирмы. К этим измерениям пришлось обратиться экономистам, изучающим викторианскую экономику, поскольку историки, не являющиеся экономистами, утверждали, что английские бизнесмены в конце XIX в. тоже были иррациональны (Sandberg, 1974). К ним также пришлось обратиться экономистам, изучающим сельское хозяйство, поскольку правительственные плановики утверждали, что фермеры иррациональны. Но даже экономисты-аграрники, отличающиеся от прочих экономистов тем, что давно обращаются к истории, вряд ли задаются вопросом, почему крестьянская земельная аренда в ее причудливой форме во многих странах существовала веками, но исчезла в процессе земельной реформы.

Исландский поэт Эйно́р Бенедиктссон сказал об этом так:

*«Обрати взор к прошлому,
Если хочешь создать что-то необычное.
Не зная уроков прошлого,
Не увидишь, что есть новое»²⁵.*

5. ЛУЧШЕЕ КАЧЕСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Не много есть сфер интеллектуальной деятельности, где некачественная работа может принести столько вреда, как в экономике или истории. Способность ложных экономических аргументов или ложных исторических аналогий нанести вред обществу очевидна: псевдоэкономика меркантилизма в течение многих веков сокращала торговлю и защищала предпринимателей; псевдоистория арийской «расы» облаго­родила лицо германского фашизма. Вдвойне пагубно, если скверная экономика соединяется со скверной историей в скверной экономической истории. Конечно, у творцов экономической политики есть все возможности совершать ошибки, не ища оправданий в том, что они плохо усвоили экономическую историю. И все же, перефразируя часто цитируемые слова Кейнса на эту тему* – цитируемые часто, вероятно, потому, что они верны, – идеи экономистов-историков и когда они правы, и когда ошибаются имеют гораздо большее влияние, чем принято думать. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, основывают свой бред на экономических событиях, происходивших несколько лет назад. Люди практические, которые считают себя свободными от всякого исторического влияния, обычно бывают рабами исторических аналогий.

Утверждают, что промышленная революция пришла в Англию неожиданно и скромно около 1760 г. на волне технических новинок, оправдывая этим такую политику стимулирования роста, при которой

²⁵ Этой цитатой я обязан Йону Сигурдссону из Исландского института экономического развития.

* Ср.: Кейнс, 1978, с.458. (Прим. ред.)

неграмотных крестьян снабжают компьютерами. Утверждают, что внешняя торговля была для Англии (а в последнее время – для Японии) двигателем экономического роста, оправдывая этим такую политику стимулирования экспорта, которая ведет к обнищанию собственных граждан. Утверждают, что плавающий обменный курс усилил хаос в международной экономике в 30-е годы, оправдывая этим принесение занятости в жертву ради поддержания курса 4,86; 2,81; 2,40 или 2,00 доллара за фунт стерлингов. Утверждают, что железные дороги имели решающее значение для индустриализации в XIX в., оправдывая этим политику субсидирования железных дорог и устранения конкуренции со стороны автомобильного транспорта в неиндустриальных странах в XX в. Утверждают, что индустриализация привела к угнетению рабочего класса, оправдывая этим глубокою подозрительностью по отношению к капитализму со стороны самых образованных людей. Утверждают, что профсоюзы обеспечили большую часть повышения заработной платы начиная с 1900 г., оправдывая этим правительственную политику поощрения вымогательства со стороны водопроводчиков, электриков и мясников. Утверждают, что конкурентное предложение профессиональных услуг в XIX в. нанесло ужасный ущерб потребителям, оправдывая этим существование официальных картелей врачей и гробовщиков. Утверждают, что монополия в бизнесе получила широчайшее распространение лишь в последние сто лет, оправдывая этим враждебность общества по отношению к крупному бизнесу. Утверждают, что выплаты процентов по вкладам до востребования или на срок, определяемые конкуренцией, привели к нестабильности банковских систем, оправдывая этим законы, которые запрещают подобную практику. Утверждают, что воздух теперь загрязнен гораздо сильнее, чем когда-либо раньше, оправдывая этим драконовскую политику борьбы с загрязнением окружающей среды. Утверждают, что ископаемые виды топлива используются сейчас быстрее по отношению к разведанным запасам, чем пятьдесят лет назад, оправдывая этим национальную политику субсидирования новых видов топлива и отказа от международной торговли нефтью. Как бы ни была хороша или плоха та или иная политика, в той мере, в какой ее пропаганда в обществе или ее частная мотивация исходит из ложных исторических аналогий – а в большинстве случаев это так и есть, – логическое ее обоснование весьма сомнительно.

Можно без конца приводить примеры, но достаточно и двух наиболее важных. Неразбериха с обменными курсами в 20–30-е годы вызвала к жизни подход к платежному балансу на основе концепции эластичностей, который и сегодня господствует в теории и политике. Этот подход уже несколько лет критикуют с логической точки зрения, но разработка альтернативного подхода будет зависеть от переосмысления прошлого опыта с обменными курсами²⁶. Неразбериха с занятостью в 30-е годы и осмысление этой неразберихи Кейнсом и другими вызвали к жизни послевоенную политику полной занятости, достигаемую преимущественно фискальными методами. Здесь также требуется

²⁶ В настоящее время усилия Семинара по международной торговле Чикагского университета направлены в основном на приложение «монетарного» подхода к опыту Англии, Франции и Японии перед второй мировой войной.

переосмысление событий 30-х годов. Как недавно заметил Хью Рокофф в очерке об американской практике свободного доступа к банковской деятельности, «одна из целей истории – расширение наших представлений о возможном» (Rockoff, 1975, p.176). Понимание подлинной истории, как и исправление истории ложной, важно для государственной политики, потому что у экономиста, чья память ограничена недавним прошлым, суженное представление о возможном. Восхваляя или критикуя сегодняшние правительства, мы можем быть вольными или невольными рабами исторических аналогий, но все равно мы рабы.

6. ЛУЧШЕЕ КАЧЕСТВО ЭКОНОМИСТОВ

В свете всего сказанного неудивительно, что мышление Смита и Маршалла, Шумпетера и Кейнса было глубоко исторично. Но конечно, экономист, а клиометрист и подавно, не будет утверждать, что ничто не заменит историю в создании значительных экономических трудов, так же как он не будет утверждать, что железные дороги были незаменимыми для экономического роста Америки. Некоторые значительные экономические труды были написаны людьми исторически неграмотными, хотя надо признать, что такие примеры найти нелегко. Скажем, работа Эджуорта в изложении современных учебников кажется вероятным кандидатом, пока не начнешь читать саму работу и наткнешься на избитые цитаты из Геродота. Изучая многие работы Дж.Р.Хикса, трудно понять, что там присутствует история, однако он читал лекции по истории средних веков и, по его собственным словам, всю жизнь был читателем «Обзора экономической истории» («Economic History Review») (Hicks, 1953), а в 1969 г. опубликовал «Теорию экономической истории» (Hicks, 1969). История – стимул для воображения экономиста, она очерчивает и расширяет границы его ремесла. Экономист благодаря своим обычным занятиям узнает, как рассматривать, обозначать и ремонтировать части здания экономики. Из истории же он узнает, откуда здание взялось, как были построены соседние сооружения и почему здание в одном месте построено иначе, чем в другом. Все наиболее общие проблемы, которые стоят перед экономикой, носят исторический характер. Если история полезна экономисту в работе, то еще полезнее она для его образования.

Было бы нелепо проповедовать в духе немецкой исторической школы, что история должна господствовать в образовании экономистов и что следует отказаться от абстракций экстремумов ради конкретности (а на практике – словесных абстракций) истории. На самом деле, некоторый крен в сторону сегодняшнего дня в современной экономической науке отчасти объясняется реакцией на подобные нелепые предложения. И все же, как сказал английский экономист-историк Т.С.Эштон, «вся дискуссия о том, какой метод следует применять в общественных науках – дедукцию или индукцию – это, конечно, младенчество. С таким же успехом мы могли бы спорить, на какой ноге лучше прыгать – на правой или на левой. Разумные люди знают, что они продвигнутся дальше, если будут передвигаться на двух ногах» (Ashton, 1971[1946], p.177).

Экономист, который прыгает на экономической ноге, поджав историческую, если он не спортсмен-десятиборец, отличается узким взглядом на сегодняшние события, приверженностью к текущим, мелким

экономическим идеям, неспособностью оценивать сильные и слабые стороны экономических данных и отсутствием умения прилагать экономический анализ к крупным проблемам. Если мы спросим своих студентов, то обнаружим, что, по их разумению, экономическое исследование состоит главным образом из поверхностного ознакомления с последним заявлением Совета экономических консультантов при президенте США, с последним ослаблением предпосылки в экономической модели и с последними исправлениями в изготовленной местными умельцами программе оценки регрессий. Достаточно посмотреть на их учителей, чтобы понять, откуда у них такие странные взгляды.

* * *

Уже лет пятнадцать или около того клиометристы объясняют своим коллегам-историкам, как полезна экономика. Им уже пора начать объяснять своим коллегам-экономистам, как полезна история. Она удивительно полезна, эта кладовая экономических фактов, проверенных скептицизмом, это собрание экспериментов, испытывающих экономическую науку на прочность во всех направлениях, этот источник экономических идей, этот наставник в политике, эта школа для ученых-обществоведов. Не случайно ее так высоко ценят лучшие умы в экономике. И очень жаль, что многие от нее отошли. Полезно ли прошлое для экономической науки? Конечно да.

ЛИТЕРАТУРА

От автора. Полная библиография работ по американской экономической истории, полезных для экономических исследований, будет насчитывать несколько сот наименований, даже если ее ограничить «клиометрикой» в ее сегодняшнем воплощении. В силу этого в данной выборке отсутствуют многие важные ссылки. Альтернативные подборки можно найти в: Davis et al., 1972; Fogel and Engerman, 1971; Higgs, 1971; Purdue Faculty..., 1967; Temin, 1973; Williamson, 1974; Wright, 1971.

ЖЕН – Journal of Economic History;

- Джонстон Дж.** Эконометрические методы. Пер. с англ. М.: Статистика, 1980 [1968].
- Кейнс Дж.М.** Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978.
- Леонтьев В.В.** Теоретические предпосылки и ненаблюдаемые явления [1971]. В: Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1990, с.265–277.
- Митчелль У.К.** Экономические циклы. Проблема и ее постановка. Пер. с англ. М.–Л.: Гос. изд-во, 1930 [1927].
- Anderson T.** The Economic Growth of Seventeen-Century New England: A Measurement of Regional Income. Unpublished doctoral dissertation. University of Washington, 1972.
- Ashton T.S.** The Relation of Economic History to Economic Theory // *Economica*, May 1946, v.13, p.81–96.
- Beach W.F.** British International Gold Movements and Banking Policy, 1881–1913. Cambridge: Harvard University Press, 1935.
- Boyman J. and Keehn R.H.** Agricultural Terms of Trade in Four Midwestern States, 1870–1900 // *ЖЕН*, September 1974, v.34, p.592–609.

- Brady D.S.(ed.)**. Output, Employment, and Productivity in the United States After 1800. Conference on Research in Income and Wealth. Studies in Income and Wealth, v.30. New York: NBER, 1966.
- Bronfenbrenner M.** Trends, Cycles, and Fads in Economic Writing // American Economic Review, Supplement, May 1966, v.56, No.2, p.538–552.
- Brown E.C.** Fiscal Policy in the Thirties: A Reappraisal // American Economic Review, December 1956, v.46, No.5, p.857–879.
- Cameron R.** Has Economic History a Role in an Economist's Education? // American Economic Review, Supplement, May 1965, v.55, No.2, p.112–115.
- Caves R.** Export-Led Growth and the New Economic History. In: J.N.Bhagwati et al.(eds.) Trade, Balance of Payments and Growth. Amsterdam: North-Holland, 1971.
- Chambers E.J. and Gordon D.F.** Primary Products and Economic Growth: An Empirical Measurement // Journal of Political Economy, Aug. 1966, v.74, No.4, p.315–332.
- Coats A.W.** The Role of Scholarly Journals in the History of Economics: An Essay // Journal of Economic Literature, March 1971, v.9, No.1, p.29–44.
- Conrad A.H. and Meyer J.R.** The Economics of Slavery in the Ante-Bellum South // Journal of Political Economy, April 1958, v.66, p.95–130.
- Conrad A.H. and Meyer J.R.** The Economics of Slavery and Other Studies in Econometric History. Chicago: Aldine, 1964.
- David P.A.** Technical Choice, Innovation and Economic Growth: Essays on American and British Experience in the Nineteenth Century. New York and London: Cambridge University Press, 1975.
- David P.A. and Temin P.** Slavery: The Progressive Institution? // JEH, September 1974, v.34, p.739–783.
- Davis L.E. and North D.C.** Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Davis L.E., Easterlin R.A., Parker W.N. et al.** American Economic Growth: An Economist's History of the United States. New York: Harper and Row, 1972.
- Deane P. and Cole W.A.** British Economic Growth, 1688–1959. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
- DeCanio S.** Agricultural Production, Supply and Institutions in the Post-Civil War South. Cambridge: MIT Press, 1974.
- Easterlin R.A.** Interregional Differences in Per Capita Income, Population, and Total Income, 1840–1950. In: Parker, 1960.
- Easterlin R.A.** Influences in European Overseas Emigration Before World War I // Economic Development and Cultural Change, April 1961, v.9, p.331–351.
- Easterlin R.A.** Population, Labor Force, and Long Swings in Economic Growth: The American Experience. New York: NBER, 1968.
- Edelstein M.** The Determinants of U.K. Investment Abroad, 1870–1913: The U.S. Case // JEH, December 1974, v.34, No.4, p.980–1007.
- Feinstein C.H.** National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1956. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Feldstein M.** Social Security, Induced Retirement, and Aggregate Capital Accumulation // Journal of Political Economy, September–October 1974, v.82, No.5, p.905–926.
- Fishlow A.** American Railroads and the Transformation of the Ante-Bellum Economy. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
- Fogel R.W.** Railroads and American Economic Growth: Essays in Economic History. Baltimore: John Hopkins Press, 1964.
- Fogel R.W. and Engerman S.L.** A Model for the Explanation of Industrial Expansion during the Nineteenth Century: With the Application to the American Iron Industry // J. of Political Economy, May–June 1969, v.77, No.3, p.306–328.
- Fogel R.W. and Engerman S.L.(eds.)** The Reinterpretation of American Economic History. New York: Harper and Row, 1971.

- Fogel R.W. and Engerman S.L.** Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. 2 vols. Boston: Little, Brown, 1974.
- Freeman R.B.** Black-White Income Differences: Why Did They Last So Long? Unpublished manuscript. Harvard University, 1972.
- Friedman M. and Schwartz A.J.** A Monetary History of the United States, 1867–1960. Princeton: Princeton University Press, 1963.
- Gallman R.E.** Commodity Output, 1839–1899. In: Parker, 1960.
- Gallman R.E.** Gross National Product in the United States, 1834–1909. In: Brady, 1966.
- Goldin C.D.** Urban Slavery in the American South, 1820–1860. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Gordon D.F. and Walton G.M.** A New Theory of Regenerative Growth and the Experience of Post World War II West Germany. Unpublished manuscript. University of Indiana, October 1974.
- Gordon R.J.** \$45 Billion of U.S. Private Investment Has Been Mislaidd // American Economic Review, June 1969, v.59, No.3, p.221–238.
- Gordon R.J.** Reply to Comment by G.Jaszi // American Economic Review, December 1970, v.60, No.5, p.940–945 (see Jaszi, 1970).
- Goy J. et Le Roy Ladurie E.** Les fluctuations du produit de la Dime. Paris: Mouton, 1972.
- Griliches Z.** Errors in Variables and Other Unobservables // Econometrica, November 1974, v.42, No.6, p.971–998.
- Guisinger S.E.** The Theory and Measurement of Effective Protection – The Case of Pakistan. Unpublished doctoral dissertation. Harvard University, 1970.
- Gunderson G.** The Origin of the American Civil War // JEH, December 1974, v.34, No.4, p.915–950.
- Harley C.K.** On the Persistence of Old Techniques: The Case of North American Wooden Shipbuilding // JEH, June 1973, v.33, No.2, p.372–398.
- Hartwell R.M.** The Standard of Living Controversy: A Summary. In: R.M.Hartwell (ed.) The Industrial Revolution. Oxford: Basil Blackwell, 1970.
- Hicks J.R.** An Inaugural Lecture // Oxford Economic Papers, June 1953, v.5, p.117–135.
- Hicks J.R.** A Theory of Economic History. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- Higgs R.** The Transformation of the American Economy, 1865–1914: An Essay in Interpretation. New York: Wiley, 1971.
- Higgs R.** Race, Scills, and Earnings: American Immigrants in 1909 // JEH, June 1971, v.31, No.2, p.420–428.
- Higgs R.** Patterns of Farm Rental in the Georgia Cotton Belt // JEH, June 1974, v.34, No.2, p.468–482.
- Hill P.** The Economic Impact of Immigration into the United States. Unpublished doctoral dissertation. University of Chicago, 1970.
- Hueckel G.** War and the British Economy, 1793–1815: A General Equilibrium Analysis // Explorations In Economic History, Summer 1973, v.10, No.4, p.365–396.
- Hughes J.R.T. and Reiter S.** The First 1,945 British Steamships // Journal of American Statistical Association, June 1958, v.53, p.360–381.
- Jaszi G.** \$45 Billion of U.S. Private Investment Has Been Mislaidd: Comment // American Economic Review, December 1970, v.60, No.5, p.934–939 (see Gordon, 1970).
- Jones A.H.** Wealth Estimates for the New England Colonies about 1770 // JEH, March 1972, v.32, No.1, p.98–127.
- Jones G.T.** Increasing Returns: A Study of the Relation Between the Size and Efficiency of Industries, with Special Reference to the History of Selected British and American Industries, 1850–1910. Cambridge: Cambridge University Press, 1933.
- Kelley A.C.** International Migration and Economic Growth: Australia, 1865–1935 // JEH, September 1965, v.25, No.3, p.333–354.

- Kelley A.C., Williamson J.G. and Cheetham R.J.** Dualistic Economic Development: Theory and History. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
- Kessel R.A. and Alchian A.A.** Real Wages in the North during the Civil War: Mitchell's Data Reinterpreted // *Journal of Law and Economics*, October 1959, v.2, p.95-113.
- Klotz B.P. and Neal L.D.** Spectral and Cross-Spectral Analysis of the Long Swing Hypothesis // *Review of Economics and Statistics*, August 1973, v.55, No.3, p.291-298.
- Kravis I.B.** Trade as a Handmaiden of Growth: Similarities Between the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Economic Journal*, December 1970, v.80, No.320, p.850-872.
- Landes W.M. and Solmon L.C.** Compulsory Schooling Legislation: An Economic Analysis of Law and Social Change in the Nineteenth Century // *JEH*, March 1972, v.32, No.1, p.54-91.
- Laslett T.P.R.** Household and Family in Past Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Lebergott S.** Manpower in Economic Growth: The American Record Since 1800. New York: McGraw-Hill, 1964.
- LeVeen E.P.** British Slave Trade Suppression Policies, 1821-1865: Impact and Implications. Unpublished doctoral dissertation. University of Chicago, 1971.
- Lindert P.H.** Land Scarcity and American Growth // *JEH*, December 1974, v.34, No.4, p.851-884.
- McClelland P.D.** The Cost to America of British Imperial Policy // *American Economic Review*, Supplement, May 1969, v.59, No.2, p.370-381
- McGouldrick P.F.** New England Textiles in the Nineteenth Century: Profits and Investment. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968.
- Meeker E.** The Improving Health of the United States, 1850-1915 // *Explorations In Economic History*, Summer 1972, v.9, No.4, p.353-374.
- Meeker E.** The Social Rate of Return on Investment in Public Health, 1880-1910 // *JEH*, June 1974, v.34, No.2, p.392-421.
- Mitchell B.R. with Deane P.** Abstract of British Historical Statistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
- Neal L. and Uselding P.** Immigration, A Neglected Source of American Economic Growth: 1790-1912 // *Oxford Economic Papers*, N.S., March 1972, v.24, No.1, p.68-88.
- Nelson R.R. and Winter S.G.** Neoclassical vs. Evolutionary Theories of Economic Growth: Critique and Prospectus // *Economic Journal*, December 1974, v.84, No.336, p.886-905.
- Nerlove M.** Two Models of the British Economy: A Fragment of a Critical Survey // *International Economic Review*, May 1965, v.6, No.2, p.127-181.
- North D.C.** Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600-1850 // *Journal of Political Economy*, September-October 1968, v.76, No.5, p.953-970.
- North D.C. and Thomas R.P.** The Rise of the Western World. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Olmstead A.L.** New York City Mutual Savings Bank Portfolio Management and Trustee Objectives // *JEH*, December 1974, v.34, No.4, p.815-834.
- Olson M.** The Economics of Wartime Shortage: A History of British Food Supplies in the Napoleonic Wars and in World Wars I and II. Durham: Duke University Press, 1963.
- Parker W.N.(ed.).** Trends in the American Economy in the Nineteenth Century. Conference on Research in Income and Wealth. Studies in Income and Wealth, v.24. Princeton: Princeton University Press, 1960.
- Passell P. and Schmundt M.** Pre-Civil War Land Policy and the Growth of Manufacturing // *Explorations In Economic History*, Fall 1971, v.9, No.1, p.35-48.

- Passell P. and Wright G.** The Effects of Pre-Civil War Expansion on the Price of Slaves // *Journal of Political Economy*, November–December 1972, v.80, No.6, p.1188–1202.
- Peppers L.C.** Full-Employment Surplus and Structural Change: The 1930s // *Explorations In Economic History*, Winter 1973, v.10, No.2, p.197–210.
- Pincus J.** A Positive Theory of Tariff Formation Applied to the 19th-Century United States. Unpublished doctoral dissertation. Stanford University, 1972.
- Pope C.** The Impact of the Ante-Bellum Tariff on Income Distribution // *Explorations In Economic History*, Summer 1972, v.9, No.4, p.375–421.
- Purdue Faculty Papers in Economic History**, 1956–1966. Homewood, Ill.: Irwin, 1967.
- Ransom R. and Sutch R.** One Kind of Freedom: The Economic Consequences of Emancipation. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1977.
- Rees A.E.** Real Wages in Manufacturing, 1890–1914. Princeton: Princeton University Press, 1961.
- Reid J.D., Jr.** Sharecropping as an Understandable Market Response: The Post-Bellum South // *JEH*, March 1973, v.33, No.1, p.106–130.
- Rockoff H.T.** The Free Banking Era: A Reexamination // *Journal of Money, Credit and Banking*, May 1974, v.6, No.2, p.141–167.
- Rockoff H.T.** Varieties of Banking and Regional Economic Development in the United States, 1840–1860 // *JEH*, March 1975, v.35, No.1, p.160–181.
- Roll R.** Interest Rates and Price Expectations During the Civil War // *JEH*, June 1972, v.32, No.2, p.476–498.
- Rosenberg N.** Technology and American Economic Growth. New York: Harper and Row, 1972.
- Rosovsky H.(ed.)**. Industrialization in Two Systems: Essays in Honor of Alexander Gerschenkron, by a Group of His Students. New York: Wiley, 1966.
- Rostow W.W.(ed.)**. The Economics of Take-Off into Sustained Growth. New York: St. Martin's, 1963.
- Sandberg L.C.** Lancashire in Decline: A Study in Entrepreneurship, Technology and International Trade. Columbus: Ohio State University Press, 1974.
- Sanderson A.R.** Child-Labor Legislation and the Labor Force Participation of Children // *JEH*, March 1974, v.34, No.1, p.297–299.
- Schultz T.W.** Transforming Traditional Agriculture. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1964.
- Schultz T.W.** Lingerings Doubts About Economics. Unpublished manuscript. University of Chicago, 1974.
- Shepherd J.F. and Walton G.M.** Shipping, Maritime Trade, and the Economic Development of Colonial North America. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Shepperd D.K.** The Growth and Role of U.K. Financial Institutions, 1880–1962. London: Methuen, 1971.
- Simon M.** The United States Balance of Payments, 1861–1900. In: Parker, 1960.
- Solow R.M.** Growth Theory: An Exposition. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Soltow L.** Men and Wealth in the United States, 1850–1870. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1975.
- Stigler G.J.** Does Economics Have a Useful Past? // *History of Political Economy*, Fall 1969, v.1, No.2, p.217–230.
- Swanson J.A. and Williamson J.G.** Firm Location and Optimal City Size in American History. In: L.F.Schnore (ed.). *The New Urban History: Quantitative Explorations by American Historians*. Princeton: Princeton University Press, 1974.
- Sylla R.** Federal Policy, Banking Market Structure and Capital Mobilization in the United States, 1863–1913 // *JEH*, December 1969, v.29, No.4, p.657–686.
- Taussig F.W.** The Tariff History of the United States. New York: Putnam, 1888.
- Temin P.** The Jacksonian Economy. New York: Norton, 1969.

- Temin P.(ed.)**. New Economic History: Selected Readings. Harmondsworth, England: Penguin, 1973.
- Temin P.** The Anglo-American Business Cycle, 1820–1860 // Economic History Review, 2nd ser., May 1974, v.27, No.2, p.207–221.
- Thomas B.** Migration and Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1954.
- Thomas R.P.** The Sugar Colonies of the Old Empire: Profit or Loss for Great Britain? // Economic History Review, 2nd ser., April 1968, v.21, No.1, p.30–45.
- Titow J.Z.** Winchester Yields. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Trevelyan G.M.** English Social History. London and New York: Longmans, Green, 1942.
- U.S. Bureau of the Census.** Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957. Washington, D.C.: US GPO, 1960.
- U.S. President.** Economic Report of the President. Washington, D.C.: US GPO, 1975.
- Viner J.** Canada's Balance of International Indebtedness, 1900–1913. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1924.
- Walton G.M.** Sources of Productivity Change in American Colonial Shipping, 1675–1775 // Economic History Review, 2nd ser., April 1967, v.20, No.1, p.67–78.
- Weiss R.W.** The Issue of Paper Money in the American Colonies, 1720–1774 // JEH, December 1970, v.30, No.4, p.770–784.
- Weiss R.W.** The Colonial Monetary Standard of Massachusetts // Economic History Review, 2nd. ser., November 1974, v.27, No.4, p.577–592.
- West E.G.** Educational Slowdown and Public Intervention in 19th-Century England: A Study in the Economics of Bureaucracy // Explorations In Economic History, January 1975, v.12, No.1, p.61–87.
- Whale P.B.** The Working of the Pre-War Gold Standard // Economica, N.S., February 1937, v.4, p.18–32.
- White H.D.** The French International Accounts, 1880–1913. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1933.
- Whitney W.G.** The Structure of the American Economy in the Late 19th Century. Unpublished doctoral dissertation. Harvard University, 1968.
- Williams J.H.** Argentine International Trade under Inconvertible Paper Money: 1880–1900. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1920.
- Williamson J.G.** American Growth and the Balance of Payments, 1820–1913. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1964.
- Williamson J.G.** Late Nineteenth-Century American Development: A General Equilibrium History. London and New York: Cambridge University Press, 1974.
- Williamson J.G.** Watersheds and Turning Points: Conjectures on the Long-Term Impact of the Civil War Financing // JEH, September 1974, v.34, No.3, p.636–661.
- Wright G.** Econometric Studies of History. In: M.D.Intrilligator (ed.). Frontiers of the Quantitative Economics. Amsterdam: North-Holland, 1971.
- Wright G.** The Political Economy of New Deal Spending: An Econometric Analysis // Review of Economics and Statistics, February 1974, v.56, No.1, p.30–38.
- Wrigley E.A.** Population and History. London: Weidenfeld and Nicolson; New York: MacGrow-Hill, 1969.
- Wrigley E.A.(ed.)**. Nineteenth-Century Society: Essays in the Use of Quantitative Methods for the Study of Social Data. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Yasuba Y.** The Profitability and Viability of Plantation Slavery in the United States // Economic Studies Quarterly, September 1961, v.12, p.60–67; reprinted in: Fogel and Engerman, 1971.
- Zellner A. and Murphy G.** Sequential Growth, the Labor-Safety-Valve Doctrine and the Development of American Unionism // JEH, September 1959, v.19, No.3, p.402–421.
- Zevin R.B.** The Growth of Cotton Textile Production after 1815. In: Fogel and Engerman, 1971.